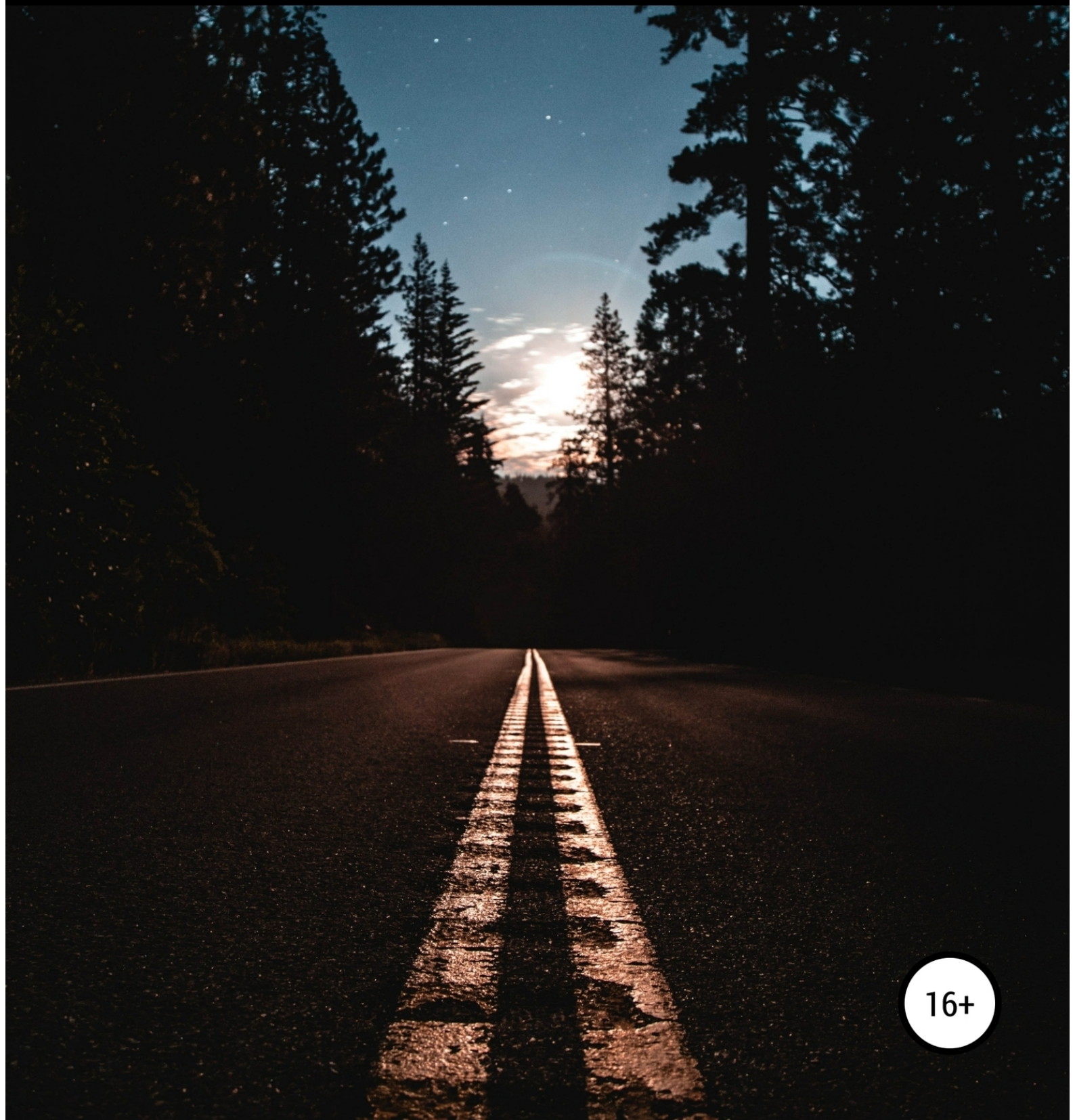


Надежда Волгина

Божественный цикл и Ангельская серия



16+

Надежда Волгина

**Божественный цикл
и Ангельская серия**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Волгина Н.

Божественный цикл и Ангельская серия / Н. Волгина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04001-4

Всё начинается с творения и продолжается в мире с Надеждой, Верой, Любовью и матерью их – Мудростью, что представлена для нас порой только лишь Словом. И на все это отмерено Время, которое рано или поздно приводит к Смерти – естественному итогу любой человеческой судьбы, которую охраняют Бог и данные нам Ангелы.

ISBN 978-5-532-04001-4

© Волгина Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	5
Раздел I. Божественный цикл	6
Часть 1: «И Рай, и Ад. О человечестве»	6
Часть 2: «Вера»	17
Часть 3: «Надежда»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Предисловие

Я лишь поэт, прозаик и писатель.

И скажете: «Совсем не знаешь жизнь».

Отвечу: «А знаете ли вы, что значит слышать голос Бога?» –

Молчание не нарушает хрупкий мир -

Поэта, прозаика, писателя...

Раздел I. Божественный цикл

Часть 1: «И Рай, и Ад. О человечестве»

Всё начиналось с творения

«Скажи же, Сеня»

Мы голые приходим в этот мир,
И голые же из него уходим.
И ни к чему нам клясть врагов своих -
Мы все едины пред вратами Бога.

И спросят вас: «Скажи-ка, Сеня,
И много зла успелось в мире повидать тебе?».
Ответит Сеня: «Ну нет, конечно. По-прежнему о зле?
В толк не возьму, о чем же ты выводил свои речи?».

Лукавит Сеня. Господь прекрасно видит то,
К чему стремятся помыслы и мысли.
К вратам Эдема, царствия небесного,
Что открывает путь в прекрасную долину.

Лишенную волнений, подлостей и страхов, совсем ненужных обещаний,
Греховных мыслей и сюжетов нерадивой жизни.
На путь её ступить так важно -
Всем грешным, мающимся жизнью.

Отмучились они. И вот перед вратами Рая
Стоят и очередь свою безмолвно ждут.
И Сеня, друг его, и пара незнакомцев в некогда защитных касках.
Не спрашивают друг у друга что и почему.
Все ждут, на левой стороне груди располагая руку.

Под которой более не слышен стук.
Впервые за десятки земных лет, что, понимают, прожитыми были безрассудно.
Но поздно уже думать, Сеня, ты на небесах.
Молчи уже, не спи – и Сеня молча опускает руку,
По-прежнему не упуская очередь сюда, на небеса.

Не спят.
Ведь в междумирье пред вратами нету ночи,
И дня тут тоже нет.
Здесь всё другое и, как ни странно, в то же время тоже...

Никто не спит, все ждут означенного часа,
Когда откроются врата, Архангелы по списку пробегут глазами

И молвят слово. И может не одно. «Хотя бы два» –
То будут имена.

«Вдруг повезёт? Проскочим?» -
Авось бурлил в крови всегда.
Также как вера – лишь в шуме дней тихонько меркла, угасала,
Но человека верная ждала.

Она надеялась: «А может будет правдой?».
Что он придёт, попросит о прощении,
Раскаившись, войдет в родимый отчий дом.
Где ждут всегда, ещё при жизни,
Где смерть откладывается на потом.

Но не приходят люди.
Хотя и продолжают странно верить, но не в себя.
В бумагу, деньги, способность обрести бессмертие
И без потребности хоть раз, но упрекнуть себя грехах.

Вы спросите, но в чем же заключён здесь смысл?
Ответом будет лишь пожатие плечами.
Мы все перед вратами, рассчитываем на удачу.
Или на праведную жизнь, ведённую на земле когда-то.

Она была какая есть.
И где-то праведная, в чем-то не особо.
Какая есть. Да, можно упрекнуть...
Не спрашивайте, пожалуйста, с нас, грешных, слишком строго.

Ведь все мы смертны,
И ты ту правду тоже знаешь.
Ты нас призвал.
Сейчас не время, не место глупым оправданиям.

Также как стонам, боли, крикам, страху.
Мы здесь перед вратами.
Рая или Ада?
И все же кажется, что Рая.

Архангелы иль кто
Трубят неслышимый доселе глас.
Глас Божий, что призывает
Отринуть страх и оказаться там,
По Его сторону.

Нам страшно.
Здесь и в общем-то сейчас
Услышать то, что будут молвить слуги Божьи,
Читая сказанное, скрытое до поры от глаз.

Но только до поры, до времени.
Ведь правду не укрыть во мрак.
И мрака перед вратами Рая нет,
Здесь только свет, рожденный на самих же небесах.

Они читают.
Большинство по свиткам, а кто-то молвит наизусть.
«И лишь только б не забыли моё имя вставить.
О большем, Боже, не молю».

*

Молитва веры...
Как часто к ней мы рисковали обращаться?
В минуты страха и отчаяния,
Сомнений, горестных печалей?

– Я пред тобою на коленях на земле стою.
Склонен и, кажется, не разогнуться.
Да мне не нужно этого:
Перед вратами я тихую молитву свету возношу.

«Услышь меня, Господь наш милосердный,
Позволь скорей войти в наш общий отчий дом.
Мы, дети, все твои создания.
Да, неразумным бытием живём.

Порою. Вернее, жили.
И каждому настал свой день и час,
Когда призвали.
Не угадаешь, не раскроешь,
На всём лежит твоя печать.

Мы, люди, глупые создания.
И мним себя царями мира.
А мир... Он нашему уму непостижим,
И создал его ты, единственный всемогущий господин.

И повелитель. Судеб, мира
Твоей и нашей, общей и моей.
Я снова о себе, прости Создатель,
Я не привык... По-прежнему же Я и о себе.

А надо бы о жизни, и о вере,
О небе, что жило над головой все эти годы,
А не ценил. Смотрел и хмурым был от питерской погоды,
Что накрывала душу с головой.

И солнце редкое к нам больше не вернётся,
И пыль дорог мне не укроет след,

Который много раз до этого был оставлен в парке:
Я всё спешил – то по делам, то на обед.

Но чаще всё-таки на встречи.
То наши общие разлуки-расставания,
Я к сердцу ласковые руки прижимал.
Она шептала: «И, кажется, пора расстаться».
Я моча руки опускал.

И не вернётся золотое время,
Но то не суть, я жив. Мне кажется...
Ведь я дышу, и чувствую становится всё легче.
Скажи же, Господи, на это: почему?

Виной всему Эдемский воздух?
Здесь дышится – свободно и легко.
Я вырос здесь, в колосьях на пшеничном поле,
Среди лугов, равнин, меж безмятежных райских берегов...

Я вспомнил всё, пожалуйста, откройте.
Нет силы ждать, мне нужно оказаться там!
Пожалуйста, вы слышите? Откройте!
Я верую! Я только божий раб!
– Скажи же, Сеня. – Я преклоняюсь.

Пустынники

... Восторженным сердцам открылась сказочная даль.
– Уверен? Вовсе не мираж.
– Где видано найти оазис среди пустыни?
– Где слыхано, что этого не может быть? – Посмотрим...
Мелькает, кажется, огонь. Очаг домашний, вижу дом.
– Шутить решил? Мы все ещё в пустыне. – Я знаю, лучше присмотришься.
И видишь женщину, ребёнка?
– Мужчину вижу там, на берегу. И озеро.
Насколько кажется возможным найти все это будто мимоходом?
– Мы третий день в пути, нуждаемся в согрее.
– В пустыне и мало солнечного пекла?
– Я не о том светице говорю.
– Я знаю: и кров, еда довольно редкие для нас с тобою гости.
– Рискнем? – Попробуем. Но давай-ка для начала я...

– Неужто ищешь что. Что мог ты потерять?
– Себя и жизнь. Оставил все надежно в прошлом.
– И ключ не взял от запертого на засов ларца?
– К чему ключи? Открыто – пользуйтесь. Вам может пригодится.
– Легко швыряешься ты нажитым богатством.
– Должно быть шутишь ты. Я богатей?
– Сокровище не мерится одним лишь золотом. В годах оно твоих...

- Бездумно их похоронил, засыпал пеплом и залил виною.
- Неужто пьян? Постой, я вижу, что неудержим. Каков твой путь?
- Направо, прямо, дальше к звездам. Предел нам небо.
- Но дальше? – А дальше ценность и судьба всё за нас решит.
- За что же ты так раздражен на случай? Ему решать, кем быть тебе и что с тобою станет...
- Не самая паршивая награда оставить все в чужих руках? Судьбу я выбираю.
- А случай как?
- Лишаешь ты себя свободы воли.
- На что мне воля и хваленая свобода? Я раб, и дело не в деньгах.
- Утратил в жизни мироощущение. Не видишь, слеп, бредешь. А где твой дом?
- В сердцах других и чуточку в том месте, где нахожусь сейчас.
- Бездомный значит, это хорошо.
- Без привязи и связей, оков, цепей и странных поводов.
- Ты не о браке я надеюсь?
- Не так я глуп, чтобы идти в огонь. Моя жена всего в полметре.
- А говоришь свобода воли, случай...
- Да, мыслей, действий... Полный крах.
- А знаешь что? Наскучило. Нас двое...
- А можно с вами? – Конечно.
- И Бог нам всем судья.

Бродяги?

А мы с тобой, бродяга, спим,
Лишь ветер мечется по стенам.
Того жилья, что стало домом
На вечер. Может быть навечно.

Мы спим. А может быть нам это снится?
Как распознать, как отличить,
Где явь, где сон?
И было что когда-то былью,
Сейчас лишь пыль...

Не спим мы, вру.
Себе, тебе, судьбе-прорухе,
Что сделала в одну лишь ночь нас богачами.
И также быстро забрала наш долг -
Ведь мы бродяги...

Нет. Спим с тобой в надежде, что проснёмся
Сегодня или в лучшем завтра.
Оно придёт, ведь правда?
Назло судьбе – старухе распоясной.

Но долг тот будет платежом нам красен.
И мы краснеем вместе с ним...
А может жар? От тела исходящий?
Пылает мерно благостный огонь в груди.

Он в нас с тобой, бродяга, чувствуешь?
Поглубже внутрь сердца загляни.
Не бойся быть восторженным огнём согретым:
Он не палит – поддерживает в жилах жизнь.
Он топит злую в сердце мерзлоту...

Сковавшую когда-то в одночасье
И сделавшую нас теми, кто мы есть:
Товарищами, путниками по несчастью
Быть может жизни всей?

Ведь только так она всегда звалась и, знает кто, всё ещё зовётся?
Не сталкивался с ней давно.
Нет, встреча со старухой в расчёты не берётся.
Ведь жизнь не может быть такой,
Нет, то не про нас...

Бродяга, спишь? Мне показалось...
– То показалось.
Случается подобное не в первый раз.
– И снова ты... – А ты теперь про что, ответь?
Молчишь? И лучше было бы поспать...

Я слышал монолог. С судьбой иль жизнью?
Без помощи ста грамм не вникнуть, о чем тобой веден был спор.
– А ты не можешь завязать... – С чем? С жизнью?
Мы с ней давно всё порешили и счёты больше не ведем.
Все счёты многие сошли на нет.

– А разве так? – Бывает -
Я всё такой же человек.
А хочешь если, можешь продолжать
И называть меня. – Но как ответь?

– Бродягой, пьяницей, невеждой и балдой -
Не будет трогать.
Давно потерял именам подобным счёт.
Я сплю. А то, что говорю с тобой – то сон.
Не верь словам, моим. Тем более...

Ты спи, бродяга, ночь дарует сон,
Что жизнью, к сожалению, у людей зовётся.

«Эй, Толик-разливайка!»

А бокальчик поменьше за себя выпью, я не жадный, а большую же часть делю на всех.
Хотя куда, собственно, деваться? За меня всё уже решили. И в нашей компании в том числе.
Причем каждый решает по очереди. Вот такие мы дружные, да. Сегодня, например, моя оче-

редь решать. Не то чтобы я был против, и не жадный я совсем, но сами понимаете, та еще ответственность: одному не дольешь, другому перельешь и припомнят ведь потом, и с тобой потом при следующей раздаче также обойдутся. А мне бы этого очень не хотелось. Обижать людей, я имею в виду. Себя не привыкать, а вот других. Обидно как-то горько, я же понимаю какого это. Меня обижали, да, пару раз, но я не обижался, отнюдь и увы, нет. Человек я все же гордый, а гордость подобного не терпит. Не знаю, как у других. Но моя точно нет, не в её это правилах. Да, у гордости собственные правила имеются, неужели не слышали? Вот диво и странность, как же жили до этого? Не гордые что ли совсем или пользовались неумело? Ну я вас тут, стало быть, научу. Берете, значит, три четверти водицы огненной и томатный сок. А простите, это из другой оперы, это я к обязанности сегодняшним готовлюсь. Во всем нужно, как говорится кем-то (вроде Толян?), навык нужно сохранять и отрабатывать. И в гордости тоже, она без тренировки никуда. Зачахнет совсем, так и поминай, как звали: будет мыкаться, а вы кругами и около вокруг гордых и неприступных ходить. А должны быть наравне. Наравне, слышите? Да, бывает что-то со связью, небесные помехи, так сказать. Ну да, на небесах же я, а разве не сказал? И Толяныч здесь, и Вован, и Горыныч. Это мы его за то Горынычем прозвали, что выдыхал больно знатно. Они сейчас выдыхает. Только уже здесь. За одним из столов, как положено. Только кем? Нам же тут и место выделили, да. Жены за нас помолились что ли? Святые были женщины, и сейчас правда есть, но уже без нас, мужей остались. Оно может и к лучшему. Все полегче будет, а то нелегко терпелось им, досталась, что называется, ноша в жизни. И нам тут поспокойнее. Когда захотим, тогда и в дело вступаем. А дело, и говорил уже, ох нелегкое – чтобы каждому и не обделить. Это же суметь надо, это еще и решиться надо. Я из наших и самый решительный, с гордостью говорю, а вам говорил? Но мы все равно по очереди, по справедливости решаем. Вот как живется и на том свете. Почти и не изменилось ничего, если только чуть-чуть. Да, водку заменили. Это я ее по старой памяти так кличу, а на самом деле вода, без лишней буквы «к». Нам тут сказали, что она лишняя. Но соком томатным снабжают и тоже по старой памяти, видимо. Жалеют нас и закусь дают: плоды в саду – срывай не хочу. Только одно дерево трогать нельзя, я правда забыл какое. Но в сад не я хожу – Тимофеич, а он ученый, знает. Ты не суйся, говорит, изгонят. А кто же изгонит и куда, обратно что ли? Но я и не суюсь: а вдруг и правда и не брешет совсем? Не то, чтобы жену свою снова повидать не хотелось. Но лучше ей там без меня, покойнее... Ой, нехорошее слово, тьфу-тьфу. Я почему знаю: не верила она в меня никогда. Ни за что говорит, тебе с таким характером и привычками никуда не попасть, не то что.... А что характер мой и привычки. Не хуже и не лучше нежели, чем у других-то. Но носом никого и ни во что никогда не тыкаю. Упаси Бог. Упас уже вот и хорошо.

И как я только сюда попал? И сам удивляюсь. За заслуги какие свои или больше за грехи-огрехи? О, грехи на чьи-то орехи. Хотя за грехи ответственность несут в другом месте. Это что же получается, господи, неужто совершенно безгрешен? И знал ведь, знал, что гордость не зря воспитывал, а характер мне в упрек ставили. Теперь же нате все! Ой, не хорошо это уже гордыня, Господи, вижу и понимаю. Спасибо, что еще учишь, и я обещал научить. Только кого и чему? Так-то я обещания держу. Даже здесь. Вот и кореша... Ой, ребятам своим обещал, чтобы по справедливости, а не как Колян обычно. НЕ хорошо, конечно, о друзьях так говорить. Но если вдуматься не особый друг, так новенький, сюда к нам недавно поступил. Ну ничего, это он от неопытности своей, ничему жизнь на земле не научила, но мы научим. За что-то же он хорошее попал сюда? Значит, не безнадежен и есть с чем работать. Только бы время даром не потратить. Вы цените его, это время, данное вам. Я вот свое и не очень берёг, и оказался поэтому раньше времени. Хотя почему раньше? Может, миссия моя здесь решила продолжиться? Верю же, что она была. Только вот ТАМ не нашел, а ЗДЕСЬ, вполне себе и ничего. Не зря же говорят: «Толик, ну-ка разлейка, да так, как только ты умеешь». Вот! Вот, что я называю польза обществу и людям. Куда же они без меня, грешные. Ой, а выходит мы без-

грешные, если вместе здесь и за одним столом. Ааа, к чему голову ломать, да и идти пора уже. Опаздывать не хорошо, это я еще ТАМ усвоил. Потому и попал сюда, что торопился успеть. А жена потом заявляла все милиции «по пьяни, спьяну». Ну что я, сами посудите, поезда бы не заметил, на который опаздывал? Ну я же не совсем испытый до самого дна ещё был? Вот избитый это да, на самом деле был. Но раньше это было. Сейчас-то всё по-другому и торопиться уже не стоит. Ой, а ребята как же? И видите, что заболтался, и не скажете. Зовут уже, наверное, а мы люди не гордые. Или всё же гордые? Ох, и запутался в понятиях этих. Здесь же всё не совсем то. Да иду я, иду. Дайте мысль грешную, ой, безгрешную до конца додумать. Ай, и ускользнула, не успел. Бродит теперь, должно быть, где-нибудь в садах Эдема. Надо Тимофеича попросить поискать. А может и сам захочет? А вот и он идет. Эй, Тимофеич. Тимофеичи-ич! Что же ты молчишь... И не скажешь ничего своему другу. ТО-ЛЕ, говорю, другу. И мысля тебе моя в ухо что ли залетела, а в другое не вылетела, коли слышать перестал совсем? Ну-ка повернись другим ухом. А вот так? Вот теперь нормально, проверка прошла успешно. Я же любознательным каким раньше был, страсть! А что не рассказывал? И как упустил из вида? И что говоришь? Наливай лучше? Так я наливаю, стараюсь изо всех сил, и слушай, что ещё расскажу. Да не расплескиваю я, в чем вы вообще меня подозреваете? Откуда вы все эти подозрения взяли? Ну давайте еще подеремся, как обычно. Не удобно уже каждый раз, честное слово, хоть бы новенькое что придумали. И историю бы мне хоть раз дали дорассказать. А вы все допиваете. Как будто «жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился...». А как вам? По памяти сам, что называется, и душа еще помнит. И нет, не испита до дна, и песенка моя еще не спета. Испита-испета... Может и нам песню какую не про себя и затянуть? Что-то новенькое в нашей жизни здесь будет. А то все как-то тут не так, все не эдак. Бывало, жинка песню запоёт мне, а я и подпевать рад, хоть и голоса нет. Вот чего бог не дал, того не дал, а может миловал. Остальное же всё ещё при мне. И завидуйте господу, молча. Хотя вы и не завидуйте, спите уже. И всё, как обычно. А почему же я такой бодрый молодец? А за себя я бокальчик поменьше выпиваю. Вот такой я справедливо-гордый, не жалуясь! Горло промочить хватило и ладно.

И все же я не жалуясь... Пока не на что, но, говорят, легко могу найти, а как же могу, когда и не ищущи, сами меня находят. Вот и Витек заявил сегодня, что не поровну, а я же не со зла. Ну пролил чуток пока до рюмок нес, но глаз-то у меня по-прежнему алмаз, и кто с этим поспорит, некому! Все снова спят. Странно, талант что ли у меня такой так разливать? При других же как-то бодро рассвет встречаем, а со мной вон как оказия получается. А все потому, что себе поменьше, другим побольше. Ага, поймали, скажете «все равно не поровну». Ну а как же я себе и больше или также? Потом упрекнул в корыстном интересе, а оно мне надо, доверие людское терять? Потом же и не позовут ни пить больше, ни наливать, даже если сами захотят. А поговорить опять же? Хотя и не говорим в последнее время, а чуть начинаешь, так до драки доходит. Вот оно как! А сколько у меня историй разных таких накопело внутри... И не пересказать, все вот вам больше душу изливаю. И на земле-то больно было некому. Все заняты, у всех дела. И я спешил, а куда деваться? А вы спешите? А вы не спешите. Хотя бы на моём горьком примере научитесь. Научитесь! А что он горький сомнений у вас теперь нет? И скажете в рай же все равно попал. Знаете, теперь уже как-то и не уверен, а Рай ли? Наверное, это и есть мой Рай. Для каждого человека он свой, особенный. Такой, какой он хочет жизнь вокруг себя видеть. А вот в Аду, слава богу, не бывал. И почему «слава богу», если не бывал, и вообще причём здесь Бог и Ад? Не знаю, но рассказывали про Ад, чего греха таить (хотя его здесь и нет). Они же тоже иногда возвращаются, бывает дело. И Тимофеич тоже вот рассказывал. Говорит, когда по саду гулял, видел одного такого, на земле сидел всё яблоки ел. А, вот вспомнил, яблоки-то как раз есть и нельзя. Но не все, а определенные, с дерева какого-то особого. Говорю же, у нас по этому делу Тимофеич, он ответственный за закуску, он и рвёт. А я больше по наливайке и по проливайке тоже. Ну это проехали уже. И вот сидит он, значит, голодный, и ест. Я, грешным делом, Тимофеичу хотел предложить отнести ему чего-нибудь

горла промочить. Жарковато, наверное, там ему пришлось, грешному. Тимофеич сказал рано, пусть мол пообвыкнется, к порядкам нашим привыкнет, а там уже и сам заживет. А я вот думаю себе: а был ли тот Ад вообще? Может и его не существует, и всё в нашем сознании проносится, и сами мы в сознании собственном жить продолжаем, а что? Вполне себе может быть. Вот выдумал я рай, в нём живу себе спокойно и обретаю, а так мог бы и другое что выдумать, если дозволено, конечно. А интересный получается вопрос: дозволено ли? Никогда особо не задумывался, а вот теперь время появилось и возможности – думать. Благодарное это дело, но больше для себя. Другим же как-то не понять, не ведают всей прелести, ещё и обидеться могут, что ж, бывает. Частенько бывает, особенно со мной. Я же ещё, что думаю, то и говорю, вот такой вот у меня недостаток, а для кого-то недостаток. Жена вот, например, бывало, журила. Ты, говорит, по пьяни, такую справедливость можешь восстановить, что мама не горюй и не расхлебашь. Но я же всегда расхлебывал-хлебал: ел всё, что дают, что она давала. Но это уже к делу не относится, хотя женушка моя кулинарка была от бога. Царство ей... Получается, что Земное? Да так, с большой, заметьте, буквы. И что я, дурак был, что не ценил? Ведь были же возможности, были и средства, и время. И что не создал рай себе да на земле? Ну и для жены, конечно, пусть и в сознании. И мама её. Та тоже была хороша. И на земле мне ещё говорила: «Переживу тебя». Выходит, права оказалась, пережила-таки. Обещание свои тёща дорогая всегда держать умела, не отнять. Я и не отнимаю. Я вообще справедливый. Говорил же уже, да? А вы послушайте, коли еще и интересно. Знаю же, что интересно. Вон как рты пораскрывали. О чем-то это нам с вами говорит? О моем таланте рассказчика, наверное, я же такой словоохотливый. Вот выдала о себе всю правду матку и даже сам как-то и не заметил, а надо было бы, наверное, чтобы под контролем держать. Да... Себя под контролем держать, ребятушки мои, ой как важно, тут и спорить нечего. Сами видите, что без контроля бывает – оказии получаются, вот что бывает. Ну что-то я с вами совсем заболтался. Мне же тоже некогда, и здесь дела находятся. С одним вон уже разобрались, не прошло и утро. Даже спать всех уложили, что приятно, согласитесь? Я говорю приятно, когда дела вот так вот выполняются, легко вроде и как-то непринужденно, даже сам того не ожидаешь. А я и не ожидал. Думал, конечно, что все по руслу привычному пойдет, но чтобы вот так и настолько... Этого как-то ни в планах, ни в мыслях не было. В мыслях моих все больше Эдем, рай мой на небе сейчас. А на земле был. Там оказывается я тоже свой рай оставил. О женушке думаете? И я о ней, грешным делом, тоже подумал. Хотя почему же грешным? Ой, задумался вдруг: а она, моя хорошая, куда попадет? А маман ее? Вот за нее я особенно волнуюсь. А если же нагрянет сюда, ко мне? Мне получается и житья никакого не дадут, да и ненадобно будет. Надо в канцелярию сходить срочно, узнать, есть ли разрядки. Жену еще ладно, пережить можно, мою хорошую. Но чтобы сюда и вдруг тёща... Вот уж бы чем Бог миловал, а? Господь, помилуешь грешного? За все заслуги былые, а я тебе, увидишь, ещё пригожусь. Уже пригождаюсь. А почему, собственно, нет? Я же много могу, ты знаешь: и подсобить, если что, и разлить в особливую меру, и чарки на стол выставить, и справедливости у меня не занимать. Да, не занимайте, ещё понадобится, когда разливать пора настанет. А она уже вот-вот скоро, близко. И снова мы с вами, друзья, заходим на новый круг удовольствий...

*

Потому что рано или поздно, но молитва придёт, приходит...

Помянете меня в своих молитвах? Знаю, что молитесь денно и часно, не по дням, а по часам то есть. Мы слышим, я слышу, да, хотя, правда, не знаю, как там остальные, не могу ручаться. Но проскальзывает что-то и в их разговорах иногда. А я больше слушаю, мне интересно. У кого что. Нет, не болит, но происходит. И радуюсь всегда, когда происходит что-то хорошее, а подобное случается часто. И знаете, мне кажется, и на земле со мной столько хорошего не происходило. Не то чтобы не случилось, или мимо стороной обходило, или мне было не досуг замечать (всегда был досуг), просто вот как-то так. Здесь всё острее чувствуется. Ярче

переживания, эмоции, хотя кто-то скажет, ну какие, мол, могут быть эмоции, давно же уже мертв. А я отвечаю: только сейчас и здесь я начал жить. И правду говорят, ой правду, про царство Божие. И на земле случается, что люди, хотя может и думают обратное. Но в мыслях они чисты, и мы чистыми приходим, такими, какие есть, сюда, в дом наш родной. Кто-то конечно и не сюда, но это разговор особый, и о нём мы как-то уже с вами говорили. И знаете? Верю, что, очистившись, пройдя своё пусть по кругу, они снова попадут сюда. Обязательно. И можете снова упрекнуть меня в хорошем, разрешаю. Сказать, что мир, видимый мной, на самом деле и не такой, и что я не такой. Слышал это не раз и на земле, а здесь в этом никто не упрекает. Ну хочешь быть особенным – будь, хочешь высказаться – тебе не скажут «пожалуйста, молчи». И я радуюсь. Радуюсь словам, как ребенок, потому что наконец-то говорю их в полную силу. Вы тоже скажите, попробуйте. Помолитесь за меня и души наши общие, уже совсем не грешные здесь, на небесах. Однажды и вы окажетесь здесь.

Упаси, не желаю в скорости. Знаю, что не наигрались, не находились по земле ножками своими (сам таким был), но на то и отпущен на земле срок. Да, чтобы понять, что везде может быть хорошо, но в раю всё-таки лучше. Помните же: контраст и эмоции ярче? Хотя кто-то их боится и оказывается не готов, вот странность, да? Быть не готовым к эмоциям и ладно бы чужим, а тут свои собственные, данные кем-то. Быть может жизнью? Наверное, ей. Поэтому живите, и чувствуйте моменты, особенно свои. А их много, ой как же их много разбросано по земле. Я вот свои не ценил, не замечал, всё обходил стороной. Было как-то стеснительно, не удобно. Может и с-слова поэтому не произносились, боялись? Возможно, но сейчас, слава моему боже, говорю. Вы тоже говорите и молитесь за наши общие души, только разные немного: ваши все ещё на земле, а моя-то уже здесь, на небе. И благодарю, и тоже здесь молюсь, уже за вас, конечно, чтобы у вас там все было хорошо и радуюсь, когда это так, когда слышу от других о вас хорошее. Значит, работает, жива еще связь между землей и нашим небом. Потому и вас прошу отчаянно: молитесь. И хорошего будет больше, вот увидите. Это не так сложно, как кажется. Я хоть и на земле (бывало такое) молился, но здесь всё чувствуется как-то по-другому. Но вы уже многое по моим рассказам знаете. Молитесь, что я ещё могу сказать...

На самом деле многое, стоит лишь начать, но я вроде как бы начал. Понимаете меня, вижу, что понимаете. По крайней мере, долетает до вашего сознания, слуха, образ мой смутный и слова ясные. Пока еще ясные. Потом может быть и отмахнетесь в суете дней. Скажете, что не нужно вам и не по нраву такое слышать. Соглашусь. Ведь не всем по нраву слышать правду или молитву. Но я всё же буду пытаться, как и многие у нас пытаются здесь. И тоже радуются, когда получается и удаётся пробиться. Мы возвращаемся таким образом вновь на землю...

Дней только в году вашем земном (уже только лишь вашем, не моём) для этого у нас не так много: Троица и Пасха для мертвых. Но пытаемся мы каждый день, как по распорядку чьему-то. Наверное, своему собственному. Особенно в церквях пытаемся. Там почему-то удается и пробиться лучше, и слышать и вам, и нам. Мне так кажется. Особенно это было заметно в последний раз, когда какая-то старушка стояла возле иконы Николая Угодника (его я особенно почитаю) и всё молилась, молилась чему-то... Чему я так до конца не разобрал – колебание и дрожание свечей совместно с другими людскими молитвами сбивали со слуха и мысли. Но старушка почему-то привлекла мое внимание. Может задавала себе вопрос: почему же к старости в нас просыпается голос веры? Близость конца чувствуется ярче что ли? Без ответа остался мой вопрос, хотя об ответе и не просил, сам придет однажды, если нужно, хотя кто знает. Так вот старушка. Молилась она усердно и так радостно мне стало, что даже себя на миг забыл. О себе здесь вообще редко вспоминаешь, все больше о других думаешь. Как я теперь о своей старушке. Она уже моя, вот странность? Хотя ничего странного. Молитва мало кому принадлежит, ее и присвоить-то нельзя: может быть в этом ее духовная прелесть?

Вот такими мы приходим в этот мир, такими из него уходим. Что? Я не сказал какими? Очень даже может быть. Здесь я многое стал забывать. Память, как оказалось, в комплекте со

смертью не идет, лишь с жизнью. Но здесь у меня другая память. Не то чтобы новая или бывшая в употреблении, скорее, просто данная. Как дается многое нам на земле, так и много дается на небе. Нужно лишь научиться вовремя замечать, а здесь это легче делается. Чувства, эмоции обостряются, помните. Конечно, вы ещё не успели забыть. Память по-прежнему присутствует в вашем сознании. Храните ее, пока есть у вас силы. И спросите зачем, если всё равно и вся проделанная работа будет бесполезна? А вы за любую работу стремитесь получить награду? Что ж, если так... Хотя доля истины в ваших словах есть, только же наградой можно определять разное. Для меня память была опытом. А зачем же земной опыт здесь на небесах? Хотя правы, опыт лишним не бывает и не будет, не тот это случай. Но обиднее всего людей терять из памяти своей. Поэтому и прошу: молитесь все, все до одного. Вдруг среди вас найдется кто-то, кто знал меня и может даже когда-то и любил? А молитва любящего сердца знаете какие чудеса творит? Чудо чудное из чудес. Вот поэтому прошу: наконец-то, люди, помолитесь...

P.S. Мы же переходим к нашим мудрым дочерям...

Часть 2: «Вера»

Вера имеет свойства возвращаться?

Вера на всё имеет свойство

А веру ты свою, как палку, брось,
Оставь ее, как кость, на растерзание собакам,
Что бродят ночью подле твоего окна,
Когда ты молишься на образ возле собственной кровати.
Она же не нужна тебе,
Так кость и палка, что опорой была когда-то,
Она ведь более и не нужна тебе:
Опирается можно только лишь на собственную хватку,
Ведь этому тебя учила жизнь?
«Хватай кусок получше и беги,
Лишь только пусть сверкают для конкурентов пятки.
И праят в мире безразличном кулаки,
Что могут проложить дорогу на пути к любому счастью».
Ведь ты создание – великий человек.
Зачем тебе божественная вера?
Ты сам ответственный за всё текущее в твоей судьбе
И сам определяешь, надеяться тебе и верить ли?
Ты всё отставь – то есть пустой, неблагодарный труд:
Судьба не даст решения простого всех имеющихся у тебя проблем.
«Надеяться на всё? А может верить? Этим жить?».
Оставь все это, просто... Да, ты просто человек.
Что обладает яростной, как сталь, железной хваткой.
Из веры собственной легко сумеет сделать кость
И бросить. На растерзание голодным и измученным собакам,
От которых вновь и вновь бежит с куском в руках.
А впереди по-прежнему лишь для него мелькают чьи-то скорые до жизни пятки.

«Контакты: Viber, WhatsApp по номеру +000 37 374 70 89. Вера»

Он снова позвонил, вернее, пытался. В ответ на простенькое объявление, помещенное на страницах бесплатной газеты, которыми так часто полнятся почтовые ящики людей. Она оставила свой номер без особой надежды, что его кто-то увидит или он кому-то понадобится, но вдруг? Нельзя было упускать ни одного шанса, хотя в век мобильных технологий бумажные газеты стали читать всё реже. А он всё же позвонил.

– Алло, – Вера в первый раз тогда услышала его голос.

– Да, здравствуйте. Кто вы? – вопрос содержал двоякий смысл, но он, кажется, этого даже не заметил.

– Я тут в общем, – он мялся, не зная, как лучше подступиться к необычному диалогу. Потом, собравшись с духом, в один момент выпалил: – Я тут нашел ваш номер на страницах газеты. А вас правда зовут Вера?

– Правда, – ответила она. То имя было дано ей Создателем, и она была не в силах и не в желании когда-либо его менять. – Вы что-то хотели? – она усердно подталкивала его к продолжению разговора.

– Не знаю, – честно ответил он. – Просто имя у вас красивое – Вера... – он протянул его немного нараспев. – Мне сильно подобного не хватает.

Слышать подобное признание из уст мужчины было редкостью, и Вера это прекрасно понимала, поэтому не перебивала, и лишь терпеливо ждала, когда он решится сказать ещё что-нибудь. Но он вдруг замолчал. Лишь в трубке слышалось его несколько прерывистое дыхание.

– Но по крайней мере сейчас одна Вера, но всё же у вас есть, – она первой нарушила тишину и услышала его облегченный вдох.

– Да, и... – он снова задумывался, подбирая слова. – Вы не будете против, если однажды я вам ещё позвоню? Когда случай представится или...

– Конечно. Не зря же я разместила это объявление в газете.

– Большое вам спасибо, – мужчина на том конце провода окончательно выдохнул, поняв, что странный по началу разговор, оказался вполне себе обычным и, уже не чувствуя смущения, рискнул продолжить: – Часто вам звонят по этому объявлению?

– Вы первый, – не раздумывая ответила она, и немного погода добавила: – И я очень рада, что вы позвонили.

...Короткий разговор недельной давности. И вновь звонок от него. На этот раз в списке пропущенных, но это вышло не специально. Тем более она знала, что он хотел ей сказать: его Вера вновь обретает с ним. А её он просто хотел поблагодарить за то, что тогда, всего неделю назад, смогла вселить в его сердце частицу себя и... Она еще раз посмотрела на не померкнувший ещё экран. В конце концов он сможет написать в Viber или WhatsApp – всё же век информационных технологий, к которому она с трудом, но уже успела привыкнуть. Ей хотелось, конечно, услышать его еще раз: все слова, которые вертелись у него на языке в момент, когда он звонил, чтобы ещё раз убедиться – каждому в жизни нужна своя Вера. И Вере нужна её вера. Она с удовлетворением вздохнула, напомнив себе, что объявление в газету нужно будет обязательно подать ещё и не один раз...

P.S. Всегда нужно Верить. А ещё Надеяться...

Часть 3: «Надежда»

О жизни, полной на земле надеждой

1. О жизни надежды на земле

И надежду тоже нужно иногда воспитывать...

- Где же мать твою, надежда?
- Не знаю, – вздохнула та. – А я должна знать?
- Вот вера, например, знает. И что-то мне подсказывает, что она у вас ней у обеих общая.
- Как же так? Разве может такое быть? Мать же у каждого только одна...
- Можешь это называть «иметь брата или сестру». В человеческом, людском мире это так, но то пока не так важно. Да и ты ещё лишком слаба и не окрепла в должной мере.
- Я крепкая. Вон как легко...
- Не в этой крепости дело, не спеши, не гони ты так. Притормози и лучше аккуратнее на поворотах. Это я тебе как зрелый и более старший говорю.
- Ну не такой уж ты и старый, – она задорно улыбнулась. – Всего на пару сотен лет старше меня.
- А разве этого недостаточно? – он тоже невольно улыбнулся, глядя на неё.
- Кому как. Но мы же бессмертны разве нет? И ты не ответил мне на вопрос о матери.
- Я сам задал тебе его.
- Я же сказала, что не знаю. Откуда мне знать?
- Ты должна чувствовать, попробуй.
- Я не умею, я не знаю как.
- «Не знаю», «не умею», – передразнил он её и вздохнул. – Я хоть чему-то тебя успел научить?
- Угу.
- Не буду даже спрашивать чему, – он лишь устало махнул рукой.
- Почему?
- Почему, почему. Почаще бы ты задавала себе подобные вопросы. Тебе нужно научиться.
- Тогда снова – почему?
- Может быть, здесь уже больше подходит «зачем»?
- Тебе виднее, – она тоже пожала плечами, копируя или пародируя его.
- Он сделал вид, что не заметил, а может и правда не обратил внимания – уж больно задумчивым казался его вид со стороны.
- Вот ты говоришь, «не знаю», «не умею», «не могу», «не хочу», «не буду». А задумывалась ли ты, кто ты есть, почему тебя так зовут? И о матери твоей я не зря тебя спросил. Так же, как и сестре твоей названной.
- Вере, – она нахмурилась.
- Помнишь значит, это уже хорошо. Вы скоро, без сомнений познакомитесь. Но только коогда ты будешь готова.
- А она, вера то есть, готова?
- Вот так всегда ты бежишь и не успеваешь. Остановись, надежда, подумай, прошу.
- Ну хорошо, – она по-прежнему ждала от него объяснений.
- Ох, – он вздохнул, поняв, что последняя его попытка добиться от неё ответов, пока успехом не венчается. – Что ж... Если коротко, то ты должна дарить.

– Кому дарить? – недоумение явственно читалось в её вопросе, который он пока решил оставить без ответа.

– Ты знаешь значение слова «дар»?

– Это когда тебе что-то дают и ничего не просят взамен, да?

– Это лишь одна сторона. Но дарить можешь и ты.

– Как это? – надежда явно недоумевала.

– Ну тебе же дарят, отдают, значит, безвозмездно. Почему ты не можешь сделать того же для другого или других?

– Не знаю, я привыкла, что...

– Привычка – вот слово, что ты хорошо усвоила. Пора отвыкать.

– Но я не...

– ...не хочу, не буду. Мы проходили с тобой это пять минут назад. Почему наши уроки тебя ничему не учат? Я всё жду и жду, когда ты будешь готова.

– Не буду спрашивать у тебя к чему.

– Вот чего-чего, а этого у тебя быть не должно, – он покачал головой. – Ни упрямства, ни вредности, ни своеволия. Иначе ты не сможешь.

– Ну говори же уже наконец, – она опять вздохнула, и он с радостью понял, что она наконец готова слушать.

– Суть твоего дара в том, чтобы делиться. Самым лучшим, что у тебя есть, ничего не прося взамен. Я знаю, однажды ты сможешь и поймешь в полной мере то, о чем я сейчас говорю. Но пока ты должна готовиться и усердно учиться. Я мир тоже не за один день построил.

– Я слышала о нём, – в её голосе слышался восторг. – Покажешь мне его?

– Однажды ты окажешься там.

– Правда? – удивление наполовину со страхом вырвалось из недр её сердца.

– Да, – он кивнул. – Когда мир будет готов. Точнее, когда я закончу то, что начал, и он предстанет перед моими глазами таким, каким был задуман изначально. Для этого нужны люди.

– Я помню, помню, – она всё больше оживлялась. Видимо, разговор задевал её за живое. – Ты говорил в самом начале. Ещё человеки их называл.

– В начале, – он улыбнулся, вспоминая, какой нелегкий путь приходится проходить тем, кто с чего-то начинает. – Да, это всё они. И ты познакомишься с ними. Более того, надеюсь, что вы станете большими друзьями.

– Правда? – в силу ещё довольно молодого возраста (всего каких-то пара сотен лет!) она не считала нужным сдерживаться в выражении своих эмоций.

– Истинная. Только ты знаешь, я надеюсь, что значит дружить?

– Конечно, – она кивнула. – Это... ну когда, – слова никак не приходили под определение того, что она чувствовала и знала, но высказать всё никак не могла. – Это сложно сказать.

– Да, – он снова улыбнулся. – Я не прошу говорить. Мне достаточно того, что ты чувствуешь и понимаешь, чего от тебя хотят.

– Я понимаю, – серьезный и совсем взрослый кивок.

– Я помогу тебе. В дружбе тоже ключевое слово «дарить». Дар, понимаешь? Это непросто и не все подобное умеют, но нужно учиться, – он тоже стал серьезным. – Когда мир будет готов и на нём появится жизнь, ты тоже должна быть готова. Это случится совсем скоро, поэтому постарайся. Откровенно скажу: миссия у тебя непростая и задача не самая легкая, даже для меня.

– Что мне нужно будет делать? – раньше они никогда не говорили о подобном, но и для этого пришло своё время.

– К тебе будут часто обращаться, искать утешения, помощи, поддержки. Ты должна слышать зов, а лучше быть рядом всегда и со всеми. Это трудно и не всегда получается...

– Но ты же можешь? Ты всегда рядом со всеми нами. Значит, и я смогу. Ты же мой Учитель.

– Да, – ласково произнёс он, добавив про себя: «И отец». Его умиляло, как быстро вырастают его творения и становятся совсем взрослыми, мужественными и крепкими, готовые брать и делить с ним тяготы мира. В том числе и новосозданного.

– Но в чём трудность, я не совсем пока ещё понимаю... – извиняющийся голос пробивался сквозь ещё не успевшую уйти до конца уверенность.

«И всё-таки ребёнок», – подумал он и продолжил:

– Потому что люди не всегда будут готовы принимать дары.

– Но как же так? – она в недоумении смотрела на него. – Это же так здорово, когда тебе дарят. И не просят при этом ничего.

– Им сложно в это поверить. Таково их устройство и природа, в этом нет и не будет твоей вины. Но тебе нужно стараться и никогда не отчаиваться, видя, что что-то идет не так. Ты должна черпать силу в себе и во мне, Создателе твоем, если понадобится.

– Я всё же не понимаю... – жалобно протянула она.

– Ну хорошо. Хорошее и светлое подчас не так заметно. Его укрывает темнота. Так нужно, и это сложно объяснить, но на самом деле это суть одного. Ты понимаешь, о чем я?

– Понимаю.

– Хорошо, – ответил он, удовлетворенный тем, что может продолжить. – И когда не видишь, думаешь, что этого нет. Но это не так. И только когда темнота заползает в самое сердце, пробирается в самое нутро души, вспоминается, что радость есть, и счастье, и любовь. Ты же знаешь их?

– Да. Мы с ними говорим подолгу вместе и нам хорошо. Дружба говорит, что всё она устроила.

– Отчасти она конечно же права. Так вот и ты, надежда, в такие моменты тоже вспоминаешься, так же, как и сестра твоя, вера. Ты даришь свет и всё доброе и светлое, что живет и дышит под моим началом и руководством. Без тебя они редко проявляются. Им трудно пробиться.

– Но как же...

– Ты открываешь дорогу. Ты проводник света, поэтому ты и должна быть всегда рядом, чтобы ярко освещать путь, по которому придется идти. У каждого он свой. И много дорог будет на этом свете, но каждая должна быть под твоим присмотром. Не вмешивайся сама, не будь навязчивой. Да ты и не умеешь, – он взглянул на неё. – Просто будь рядом и не забывай слушать души. Они призовут тебя в свой час.

– Но как же я услышу и как пойму, что нужна очень-очень прямо здесь и сейчас?

– Иногда ты будешь слышать лишь шепот, иногда молитву громкую и страстную или усталую от житейских тревог и невзгод. А иногда это будет крик яростный и сокрушительный. И вот с ним нужно быть аккуратнее. Очень важно не перейти грань, не дать уйти от света в окончательный мрак. Они, к сожалению, и этому подвластны.

– Кто? Люди?

– Они милые. И крепко запомни: ты нужна. Всегда.

– Но что мне нужно будет делать?

– На сложные вопросы всегда находятся простые ответы: просто будь рядом.

«Не беспокойтесь, я знаю»

Из неё вышла надежда. Ушла, и даже крошек не остался след. Так думала она, в сотый раз повторяя себе: «За что, Господи?». Господь же ответил на её молитвы.

– Извините, вам плохо? – к ней подошла хорошо одетая женщина и дружески улыбалась, ожидая её ответа.

– Нет, спасибо, всё хорошо, – её губы сами собой сложились в суровую нитку, крепко запирая внутри то, что так просило выхода наружу.

– А мне кажется, что вам всё-таки нужна помощь.

Разговор происходил посреди оживленной улицы, около небольшого магазинчика, где женщину, собственно, вновь настигли терзающие душу сомнения и невеселые мысли.

– Присядем? – незнакомая женщина указала на небольшой каменный выступ и мягко взяла её под локоть. Она безропотно последовала следом, даже не удосужившись поинтересоваться, кто эта таинственная незнакомка и можно ли ей вообще верить. Москва, знаете ли.

– Садитесь вот сюда, – женщина похлопала рукой по теплому камню, указав на место рядом с собой. – Что же у вас случилось?

– Вам и вправду интересно? – с сомнением в голосе протянула она. Её душа всё ещё пребывала в неверии от того, что кого-то в мире могут интересовать чужие проблемы.

– Ну я же спросила, – невозмутимо ответила ей незнакомка, – значит, и вправду интересно. Она практически повторила её мысленные слова.

– Я не знаю, с чего начать, – она всё-таки решилась.

– Начните с главного. Так, как правило, бывает легче. Мне это помогает, – для полной убедительности добавила она.

– Здесь всё главное, – закрыв глаза, она вдруг горько зарыдала. Эмоции, больше несдерживаемые ничем и открывшиеся от простого сочувствия совершенно незнакомому человеку, ринулись на свободу безудержным потоком. – Мой ребенок, понимаете. Я его потеряла... – пришлось смахивать руками набегающие слезы.

– Понимаю, – лёгкий кивок головой.

– Нет, не понимаете, – она почти кричала, порываясь встать на ноги, но незнакомка мягко ее удержала. Женщина как-то вся обмякла.

– Понимаете, – снова начала она, и было件нятно, что понимание ей сейчас необходимо больше всего. – Я сама его отдала, – вздохнула она и посмотрела в глаза незнакомке, ожидая найти там осуждение, презрение или жалость.

Но та лишь молчала, ожидая, когда та продолжит говорить.

– Я не знаю, как такое сказать незнакомому человеку. Знакомому, правда, тоже.

– Вы не стесняйтесь, говорите, как есть. Правду трудно скрыть, да и ни к чему, знаете ли.

– Знаю, – неожиданно для самой себя согласилась она. – Я его оставила, и эту правду уже не изменишь.

– Вы написали отказ, – мягко уточнила собеседница.

– Да, – кивнула женщина и снова зашлась слезами, вспомнив, что успела сделать несколькими часами ранее. – Но он же такой хорошенький, такой хрупкий. Как он выживет в этом мире?

– Мы все рождаемся такими, – заметила незнакомка.

– Нет, – упрямо мотнула головой та. – Он особенный, вы не видели его глаза. Она вдруг замолчала, словно вспоминая о чем-то. Видимо, о том, что уже нельзя было вернуть.

– Тогда почему вы его оставили? – незнакомка была в самую цель, суть того, к чему она так осторожно подбиралась, но не могла пока решиться высказать вслух.

– Я давно так решила, – бесцветным и уставшим голосом проговорила женщина. – Ещё когда он был маленьким, совсем крошкой внутри меня. Ему так будет лучше, я уверена.

– Вы успели решить всё за еще неродившееся дитя? – удивленно заметила её собеседница.

– Я мать, – запальчиво проговорила она, – мне виднее.

– Ну сейчас уже не мать, – чуть в сторону, почти шепотом произнесла незнакомка и, уже обращаясь непосредственно к женщине, поинтересовалась: – Но сейчас вы почему-то так больше не думаете?

Удивляясь способности собеседницы выискивать точные вопросы и без стеснения задавать их напрямиком в лоб, женщина неуверенно проговорила:

– Кажется, нет. А затем чуть более уверенно: – Нет.

– Что же изменилось за эти неполные два часа?

– Мысли, – женщина вздохнула и опустила глаза. – Они изменились. Стали более радужными что ли. В конце концов многие живут и как-то справляются, и чем я хуже? И ребенок мой чем хуже?

«Вот ты и снова называешь его своим...».

– А вы не думали, что подобные мысли были с вами всегда, но вы боялись дать им... эммм, ход? Боялись, что в силах ваших принять более трудное для себя решение? Что вы сможете наконец бороться?

– Вы думаете? – с сомнением покосилась на нее женщина.

– Уверена, – кивнула та. – Понимаете, мысли они же у нас в голове совсем разные: и грустные бывают, и плохие, и слабые, и сильные. Главное, не идти у них на поводу, а делать то, что говорит сердце. Оно свободно от мыслей, в отличие от головы.

– Вот вы говорите и как-то легче становится. Я как будто снова верить начинаю...

– Да, – невольно улыбнулась собеседница, а про себя подумала: «Делаю попутно ещё и твою работу, дорогая сестренка». Вслух же она произнесла: – Верить нужно обязательно. А еще надеется. Не забывайте о них. Также, как и о любви. Она сейчас нужна и вам, и вашему малышу.

– Спасибо, – машинально отозвалась на пожелание женщина, и вдруг, спохватившись, воскликнула: – Но как же теперь, куда мне идти? Я же не верну ничего уже.

– Всё можно однажды исправить, – её всё также мягко вернули к действительности. – И это должно быть вас, – она кивком указала на сумку, лежавшую на коленях у женщины. Из неё доносилась переливчатая мелодия. – Ответьте же.

Только посмотрев на номер звонившего, женщина невольно сморщила лицо, но, не решаясь послушаться непререкаемого тона собеседницы, ответила на звонок.

– Да, баба Мань, что? Нет, я неподалеку, что случилось? Объясни мне, пожалуйста, толком. Как не по-христиански? Что ты сделала? Пошла к заведующему? Заявление моё порвать? Но, баб Мань, как же... Как воспитаем? Не нужно две ставки, баб Мань, миленькая... – из глаз её снова полились слёзы, только теперь они были чисты, прозрачны, а ещё легки. Так очищается порой человеческая душа.

Незнакомка улыбнулась, глядя на представшую перед ее глазами картину, подняла глаза к небу, прошептала еле слышное «спасибо» и легко соскочила с теплого камня на землю. Отряхнулась. Женщина тем временем быстро завершала разговор, видимо решив, что на месте она разберется быстрее.

– Спасибо, спасибо вам, – горячо шептала она, сжимая руки своей собеседницы. – Вы даже не представляете...

– И не за что говорить мне спасибо. Чуть помолчав, незнакомка добавила: – Хотя лучше все же будет вам сказать «пожалуйста». Но вы все сделали сами. Мысли помните, – она дотронулась до своей головы.

– Да, да, – женщина заворуженно смотрела на незнакомку, не в силах отвести взгляд. Ей вдруг почудилось что-то ангельское божественное во всем облике, жестах и словах своей недавней собеседницы. Она поймала себя на мысли, что сейчас легко смогла бы согласиться на любую просьбу и предложение своей недавней собеседницы.

– Ну тогда я пойду? Удачи вам и вашему малышу!

– Спасибо, – машинально произнесла она, вновь погрузившись в собственные мысли, но, неожиданно опомнившись, вдруг громко сказала: – Извините, я даже не спросила вашего имени?

– Надежда, – махнула рукой та.

– А меня... – начала было та, но Надежда не дала ей договорить.

– Не беспокойтесь. Ваше я знала изначально.

И легкой походкой, не оборачиваясь в сторону явно растерянной и оставшейся недоумевать женщины, Надежда заспешила ко входу в московское метро...

О мужчине и стуке

Надежда-невежда и в этом подчас ее большая сила...

– А кто вам сказал, что надежда и вовсе существует?

– Но как же это? – недоуменно произнесла она.

Разговор происходил в одном из московских баров, куда уставшая после праведных трудов дня Надежда заскочила на огонек.

– А вот так, – лениво протянул незнакомый мужчина, который тоже сидел за барной стойкой явно не первый час, но почему-то не пил, вертя в руках стакан с плескавшейся на самом доньшке незнакомой жидкостью. Бармен в разговор не вмешивался.

Как их дискуссия успела прийти к такому прозаичному вопросу, Надежда не помнила. Но вопрос о собственном несуществовании её очень даже заинтересовал.

– Ну кто-нибудь когда-нибудь её видел? – мужчина пожал плечами и всё же отпил последний глоток, решив не оставлять тот в одиночестве. – Вот я, например, нет.

– А вы всегда верите только в то, что видите? – разговор с совсем незнакомым мужчиной начал все больше занимать её.

– И слышу тоже, – охотно подтвердил тот.

– Интересно, – она помешала ложечкой кофе, уже давно успевший остыть, и произнесла: – И в радость вы, значит, не верите, и в любовь, и в счастье?

– Ну почему же, – с сомнением в голосе, произнес он, чуть помолчал, а потом добавил: – Хотя я их не видел, но чувствовал же.

– Именно, – удовлетворенно кивнула Надежда. – Чувства-то вы изначально в расчет не брали, а они-то и есть самое главное.

– То есть как это главное? – опешил тот.

– А вот так, – Надежда всё больше распалялась, в голосе её чувствовалась неподдельная страсть. Даже бармен невольно заслушался, отложив полотенце, которым до этого начищал и без того сверкающие стаканы. Ему до такого красноречия было далековато.

– Вы думаете, головой живете, сознанием, разумом. Да ничего подобного. Здесь, – она коснулась области сердца, – принимаются все решения. И только после этого поступают сюда, – она дотронулась головы мужчины.

Его глаза все больше расширялись, с благоговейным ужасом взирая на почти незнакомую даму, решившую вдруг неожиданно рассказать всем им о тайнах мироздания и об устройстве собственного организма.

– Кхмм, ну допустим, – не решился он с ней спорить. Бармен тем временем озабоченно трогал свою голову. Надежда между тем продолжала.

– Только процесс этот проходит незаметно, не все его чувствуют. Вот и кажется вам, вернее, нам смертным, что разум управляет нами, что мы над чем-то властны. А на самом деле... – она махнула рукой.

– А на самом деле? – эхом откликнулся он. Мужчина, по-видимому, не собирался так просто упускать суть ее повествования. – Как на самом деле?

– Вот вы говорили нет надежды. Не видите вы её, – это тема без сомнения задевала её больше других. – А она же жива, она же ждет всё там же, – рука снова легла на область сердца. Надежда на секунду замерла, прислушиваясь. Её не билось, она сама была одним сплошным сердцем. Но вдруг её осенила внезапная мысль. Она решила говорить с мужчиной на одном языке. – Послушайте.

Мужчина также приложил руку к своей груди и, судя по всему, прекрасно слышал отчетливый характерный звук: тук-тук, тук-тук.

– Вы же говорили, что верите тому, что слышите? – с чуть заметной усмешкой заключила она. – Так вот, слушайте.

Казалось, весь бар на секунды замер, став одним сплошным грохотом из «тук-тук-тук-тук». И мужчина, казалось, был удивлен, даже более того, растерян. Нет, он и до этого знал, что бьется у него внутри, знал примерную анатомию, но сейчас звук был каким-то иным. Более осознанным что ли.

– И теперь-то вы слышите? – мягко произнесла Надежда, заглядывая ему прямо в глаза. Он снова удивленно посмотрел на неё. – Это же не просто стук, это голоса. И каждый из них звучит по-своему, понимаете? Мужчина кивнул.

– Да, они сливаются в большой многоголосый хор, но все же каждый из них самостоятелен и отделен от остальных. Тут есть и голос счастья, радости. И голос любви, конечно. И даже надежде во всем этом шуме-гаме нашлось место, – она невольно улыбнулась. – Видите, как важно научиться слышать.

Он снова молча кивнул, по-прежнему не произнося ни звука. Теперь он внимательно слушал то, что творилось у него внутри, и думал над словами этой странной и почти незнакомой женщины. Она же тихонько спустилась с барного табурета, оставила замеревшему бармену деньги за кофе и двинулась в сторону выхода...

«Звоните. Надя-надежда»

Короткое: «Звоните. Надежда» – и номер телефона. Больше ничего. Она решила позвонить, потому что терять уже было нечего, а обрести хотелось. А вдруг и правда на том конце провода ей ответит Надежда или надежда? Да, она знала, что существует такое женское имя, но в ближайшее её окружение состояло преимущественно из Тань, Кать, Свет и Наташ. Она взяла трубку.

Новый год, время чудес. Так было в детстве, и она хотела, чтобы и сейчас было точно также. Ну не в точности, но хотя бы похоже. Но три года подряд всё как-то не складывалось. Вроде и готовилась по всем правилам: и дела завершала (в Новый год без долгов), и убиралась (с чистым домом), и отношения ненужные отбрасывала (и с не менее чистой совестью), а чего-то все равно не хватало. «Нужно позвонить. Попалось же мне на глаза это объявление, значит, кому-то это было нужно», – и тут же поправила себя: – Мне, кому же ещё, – это она произнесла уже вслух.

– Алло. – Да? – Надежда? – Да. – Я не знаю с чего начать. – Я узнала вас. – Правда? – Конечно. Вы же должны были позвонить? – Да, должна была, и довольно давно. Но только сейчас нашла ваш номер. – Ничего страшного, бывает. Я в любом случае рада вас слышать. – Я тоже. Вы даже не представляете насколько...

Надежда всё видела и всё равно страдала...

Надежда страдала. Не то чтобы ей чего-то не хватало, просто было как-то грустно, среди людей это зовется «не по себе». И не могла она себе объяснить причину этому, понять и попытаться устранить. Ведь для этого все устроено? Все наши поиски и попытки, желания понять...

Вот и она страстно желала. Хотя, казалось, не характерно это для Надежды, но разве будешь разбираться с этим теперь, когда тебе так плохо. Пришла сестра Вера.

– Тебе что-нибудь нужно? – осторожно поинтересовалась она, видя, что та лежит, отвернувшись лицом к стенке и не подает маломальских признаков жизни. По крайней мере, так казалось со стороны.

– Нет, ничего не нужно, – Надежда вздохнула. – Просто, пожалуйста, уйди.

– Я не могу оставить тебя в таком состоянии, – тихо ответила Вера. – Тебе же что-то нужно, и я хочу понять что.

– Неужели? Я бы, наверное, сама тебе сказала, если бы знала. Если бы только знала...

– Не знаю. В своей жизни я больше видела тебя молчаливой и тихой. Ты никогда ничего не просила и всегда была рядом. И со мной, если мне это было нужно.

– Да, так было, – задумчиво проговорила та. – Может стоило начать говорить ещё тогда, как думаешь? Ты ведь тоже молчишь, и я не знаю, о чем. Даже сейчас здесь, сидя передо мной.

– Я думаю о мире, – улыбнулась Вера. – Впрочем, как и всегда. Мне всегда приходится о нем думать. Но тебе тоже, ты же знаешь.

– Да, – Надежда поежилась словно от холода. – Может стоит думать о нём меньше, как считаешь?

– Не нам это решать, ты это знаешь. Не в нашей подобное власти. Мы и над собой не властны.

– А я хочу, – со всей страстью, на которую был ещё способен голос, прошептала она. – Я хочу наконец чувствовать, а не принимать чувства и давать утешение даже тем, кому это совсем не нужно. В чем смысл? Только дарить, ничего не прося взамен, молча слушать и потом уходить. Когда становишься не нужна.

– Ты всегда нужна, – мягко поправила её Вера.

– Это неправда, – упрямо возрилась на неё Надежда.

– И я нужна, – также упрямо возразила ей Вера.

В тишине они смотрели друг на друга, не находя больше слов. Между ними слова всегда были лишними. По крайней мере, им так казалось до сегодняшнего дня.

– Что случилось? – Вера аккуратно подбиралась к интересующему ее предмету разговора. – Почему ты вдруг решила, что всё это бессмыслица и глупость?

– Я не говорила о бессмыслице и глупостях, – Надежда поморщилась, затем снова вздохнула. – Просто сегодня мне было особенно тяжело. Она ещё немного помолчала, затем продолжила:

– Я видела пару сегодня, как видела многих подобных им до этого. Но всё же в них было что-то особенное. Как светились их лица, возможно. Я не шучу. Они правда светились своим особым светом и это трудно объяснить...

– Я понимаю, о чем ты, – мягко вмешалась Вера. – Я вижу этот свет чаще, чем ты, возможно потому, что умею дарить его. Это часть моего дара, помнишь?

– Да, – задумчиво протянула Надежда. – Я как-то успела позабыть. Давно не виделась с тобой, извини.

– Извинения принимаются за что-то. Здесь же мне их не за что принимать. Прошу меня простить, продолжай.

– И говорить особо не о чем, – Надежда мялась, не решаясь до конца раскрыть причину своего истинного беспокойства. – Просто в какой-то момент я позавидовала.

– Чему? – удивленно спросила Вера. Она не задала резонный вопрос «Ты?», понимая, что он сейчас будет лишним. Сестра и без того не знала, что с ней происходит. Поэтому лишь осторожно уточнила: – Их свету? Или было что-то ещё, о чем ты умолчала?

– То, как он смотрел на неё. На меня никто так никогда не смотрел, понимаешь? Как будто я нужна и только я важна в этом мире, и нет больше никого вокруг совсем.

Её взор лихорадочно блеснул, а щеки пылали, но она, кажется, не замечала проявлений, охватившего ее волнения. Сейчас не это было для неё самым главным.

– Так я обычно смотрю на людей, но никто так не смотрит на меня. Это обидно, – она опустила глаза и сжала рукой и без того мятые простыни.

– Я понимаю, о чем ты, – неожиданно для самой себя кивнула на весь этот монолог Вера. Раньше она не задумывалась о подобном, но сейчас, увидев описанное сестрой со стороны, поняла, о чем та ведет свою речь.

– Это трудно... – она снова замолчала, подбирая слова и не находя их. Дар слова редко удавался им обеим. Они привыкли жить в области чувств, и до этого момента неплохо с ним справлялись. Но рано или поздно приходится смотреть фактам в лицо.

– Извини, я не хотела, – видя, что Вера мнется и не решается продолжить начатое, Надежда решительно проговорила: – Не нужно мне было тебе этого говорить.

– Что ты, что ты, – замахала на неё Вера. – Конечно, нужно. Я и сама раньше чувствовала подобное, но всё не было как-то времени получше разобраться, понять...

– У меня его тоже не было. А вот сейчас как видишь, – она махнула рукой, окидывая лихорадочным взглядом окружающее их пространство.

– Но ты нужна, – снова мягко попыталась вернуть её к жизни Вера. – Нужна также, как и я, – она произнесла это уже более уверенным тоном.

– От меня что ли этим заразилась? – Надежда невольно стала улыбаться. – Это же мои обычные слова.

– Пусть и от тебя, – узрев улыбку на лице сестры, Вера стала говорить первое, что приходило в её уставшую от размышлений и долгого дня голову. – Не спрашивай постоянно «что» и «почему»? Не задавай этих лишних вопросов своей голове. Придет время – всё узнаешь.

– Ты просто предлагаешь не думать, а жить так, как придется...

– И творить, и дарить, – уверенно кивнула Вера.

– Ты понимаешь, о чем мы сейчас говорили? – аккуратно поинтересовалась у неё Надежда. – Я же тебе о Фоме.

–...а я приплела к нему Ерёму. Но здесь все связано, все едино. Просто ты, возможно, пока не видишь этого... – она замолчала, боясь продолжить и неосторожными словами ранить сестру ещё больше.

– Говори, – спокойным голосом произнесла та. – Я хочу знать правду.

– И правды как таковой нет... – вздохнула Вера. Если и предстояло быть честной, то до конца.

– Это я знаю. Усвоила за долгие годы.

– Мы не о той правде ведем речь. Она существует, но у каждого своя. Общей не бывает. Нет, мы можем прийти к одному заключению по общим вопросам, но в мелочах всё равно будем не совпадать. Так бывает, – пожала она плечами.

– Интересные вещи ты говоришь. Надежда кажется снова задумалась, но уже над тем, в какое неожиданное русло перешел начатый ею самый диалог.

– Я и сама не знаю, о чем я, – устал потерла виски Вера. Начинала болеть голова о том, что так долго было в ней, но всё никак не находило выхода. А теперь вот пришли мысли. Все разом.

– Ох горе ты мое. Не нужно было мне этого начинать, – видя реакцию сестры на их разговор, устыдилась Надежда и сочувственно проговорила: – Тебе нужна помощь?

– Нет, не стоит, спасибо. Я справлюсь, как всегда. Справлялась же до этого.

– Уверена? Просто происходящее для нас как-то не совсем обычно. Сама удивляюсь, как так все получилось и почему мы ушли туда, куда не должны были уходить?

– Но мы обязательно должны были вернуться, – Вера улыбнулась. Надежда и вера, рука об руку, помнишь? Мы всегда возвращаемся...

2. Послания надежды миру

И письма, полные надежды...

Она плакала, как плакала много раз до этого. Но не сотни, хотя и не считала. Слезы не поддаются счёту, не ведётся здесь учет этих потерь. Она вытерла рукавом скопившуюся у глаз влагу. «Хватит, всё». Но в глубине души знала: не хватит и ещё не все. Не всё было сказано и сделано и осталась целая пропасть того, что раньше относилось к её жизни, того, что и составляло, собственно, её жизнь. Она была Надеждой и в данный момент не знала, что же ей делать и как поступать дальше. Вроде ничего не случилось. Как не случилось ничего и сотни раз до этого. «Ну вот, мы снова вернулись к сотням. Может быть зря. Но нет, кто нас за осудит, мы же одни и только...». Только свет лампы падал на письменный стол, за которым она писала своё письмо. Она решила написать. Одно из многих «из...», что не отправила и не отправит никогда. Письма, кричащие в пустоту, с верой что и их однажды услышат, и они, может быть, даже станут нужными, желанными и долгожданными. Для кого-то. Хотя адресат был указан верно и даже кажется знаком. Она писала ему, моля снова направить на тот путь, который он выбрал для неё изначально. Потому что сейчас она устала, но не в борьбе и страхе было дело. Скорее для нее речь шла о непонимании и желании всё же понять: как все устроено в этом мире и почему в нем никак не удается достичь желаемого, несмотря на все попытки и отчаянное стремление помочь? Но её никто не слышал, и хуже всего, что она перестала слышать себя. Она не понимала больше, зачем и для чего была здесь.

«Господи! Пишу с единственной надеждой, что ты меня всё же услышишь, потому что я себя уже не слышу, правда. Я помню наш с тобой последний разговор перед, тем как ты отправил меня сюда на эту землю. О трудностях, миссии и всепрощении, но ответов для себя я по-прежнему не могу найти. Либо это так трудно сделать, либо нужно сделать что-то еще и одного лишь желания понять здесь недостаточно. Хотя здесь есть такая присказка: «Было бы желание...». Ею многие оправдываются и прикрываются, потому что не знают, что им в противном случае делать дальше, и со своими жизнями в том числе. И со мной они иногда не знают, что делать, правда. Разве так бывает? Я не прошу ничего взамен, не навязываюсь в выходной или неуточный час, когда меня точно не будут рады видеть и мысли их, как правило, заняты совсем другим. Я стучусь деликатно, когда вижу, что нужна. Но быть может слишком деликатно, потому что дверь так и остаётся дверью: закрытой и неподдающейся. Я поняла, что её не хотят открывать, причем именно с той стороны, внутренней. Они даже иногда умудряются строить баррикады. Смешные. И чем же я успела их так обидеть, прогневить, Господи? Вопрос простой, но ответ на него не находится. Я кому-то успела сделать зло? Почему же тогда ничего не помню об этом? Где моя память или что называется этой памятью... То, что позволяет не упускать ход событий и оставаться в моменте, помня, кто ты на самом деле есть. А кто я? – хотела спросить у тебя, но потом передумала, потому что заранее знаю твой ответ. «Ты надежда» – коротко, просто и понятно. И кажется, что я даже знала это о себе, знаю... Я снова неуверенно говорю и пишу, что мне нельзя, несвойственно и совсем не прописано. Не гневись, я просто устала, хотя и о подобном не говорят. Но о чем тогда говорят? Поговорим снова о вере? Но она не любит быть участницей чужих разговоров, ей и своих достаточно. С тобой она наверняка разговаривает. Как она там? Что делает сейчас, когда я, глотая слезы, пишу тебе сотое письмо? Она наверняка не сочиняет подобных писем, они ей ни к чему. Потому что она верит, и в этом её дар и моё проклятье, потому что ты видишь, ты же видишь Бог, как сильно мне её не достает, особенно в такие моменты. Но вот я пишу тебе и становится легче, как будто и с ней поговорила. Мы же едины, у нас есть что-то общее, то, что ты сам в нас заложил, задумывая теми, кем сейчас обе являемся. Любовь я не забываю, НО... Она всегда стояла особня-

ком от нас и не из гордости, просто... Так сложилось. Я многое себе сейчас так объясняю, и не потому, что так легче, и проще, и безопаснее. Мы никогда не искали легких путей, не этому ты нас учил, и мы крепко запомнили эти твои уроки. Просто, так опять сложилось. Видимо, слишком долго провела на этой земле, чтобы искать какие-то другие варианты того, что происходит, но видно с кем поведешься, от тех и наберешься. И я набралась всякого разного, хлебнула, так сказать, но сути своей не поменяла: я по-прежнему остаюсь надеждой. Хотя ты знал, насколько легко меняется эта самая суть. Смотрю на мир и сама порой удивляюсь: разве такое возможно и кто устраивает подобное? Уж точно не ты, я уверена. Но может ли что-то в мире происходить помимо твоей воли и контроля? Ты Творец и Создатель всего сущего. Так я считала, так и продолжаю считать до сих пор. Как я могу в этом сомневаться, если была сотворена тобой? Мы все были сотворены тобой, но кто создал тебя? Знаю, что никогда не задавала подобного вопроса. Но попытки найти причину и первопричину приводят к меня к подобному вопросу: кто тебя создал? Ты можешь не отвечать, но я хотела, чтобы этот вопрос прозвучал и остался хотя бы здесь, на страницах написанного, но по-прежнему не отправленного письма...

По-прежнему, всё ещё такова,
надежда»

Она не стала перечитывать написанное, потому что знала наизусть каждое слово. Все они сидели в её сердце и слишком долго ждали своего часа, чтобы быть так просто забытыми и выкинутыми на задворки памяти. Нет, они жили при ней, и бумага им была не нужна. Но так у них была хоть какая-то плоть, отдельная от её головы, в которой уже с трудом умещалось всё, что однажды должно было быть сказано. Она взялась за новое письмо. Ей по-прежнему было, что сказать, даже без попытки однажды получить ответ.

«Снова здравствуй! И знаю, что не прошло и пяти минут, как тобой было получено мое последнее письмо, знаю, знаю. Также как и то, что ты можешь читать из-за моей спины, и я не возражаю. Может, ты даже сможешь мне в чем-то с этим письмом помочь, поправить направление и ход мыслей, потому что чувствую, что они готовы ринуться под один им ведомый откос. И почему интересно не в гору? Слишком долго и не всегда по силам? Я понимаю: взбираться, карабкаться нравится только альпинистам, а большинство из нас совершенно не такие. Даже я, но мне приходится, потому что иначе никак: кто-то должен быть наверху, чтобы и другие тоже смогли однажды оказаться там. И я тяну, изо всех сил тяну. И я не жалею, пойми, просто... Ты поймешь, что я хочу сказать. И хотела... Всеми этими путанными речами и нерадивыми мыслями, что трудно выкинуть из головы, но я и не пытаюсь – берегу. Потому что они и частично твои. Их же ты вложил в меня, угадала? Вернее, знаю. Я слышу их, и я слышу тебя. По-прежнему в сердце, теле, голове, что называется, душой. Во всех своих клеточках, потому что их тоже создал ты. Ты творец сущего, моего существования, и видишь ты, как часто я шепчу «спасибо». Да, я тот еще альпинист, и скалолаз из меня бывает никудышный. Но я на горе, всё также на самой вершине, поближе к тебе и вижу его – простор, насколько хватает охватить глазу, далекий и такой близкий порт, в который заходят корабли и, наверное, только ты знаешь, откуда они и куда держат путь. И конечно, я вижу наше бескрайнее небо. Его даже не нужно видеть, можно чувствовать. Ту благодать, которая спускается оттуда, то, с чем хочется жить, независимо от погоды за окном, настроения, которое создают люди и неверия, с которым подчас ты живешь сам. Мне хорошо здесь и другого не надо. Да, ты напомнишь мне о том послании, что успело до тебя дойти задолго до того, как оказалось на бумаге. Не принимай. Ни всерьез, ни на свой счет, потому что... Да, просто так бывает. Такова эта самая жизнь.

По-прежнему твоя,

На вершине нашей общей горы,
надежда»

Она поставила точку. Как тоже делал много раз до этого, но никогда с такой уверенностью и покоем в сердце. Ни к чему слезы, глупые сожаления и оправдания. Она на вершине горы. И да, здесь может сбивать ветер с ног и выбивать из сил, но ты должен держаться, потому что нужен именно здесь, на этой самой вершине. К которой день за днем идут сотни ног и рук, потому что знают, что их примут, ждут и приют здесь свой они также найдут. А большего им не нужно. Не для счастья, нет. Для самой сущности и сути жизни.

«Я жду вас, мои дорогие. На любой из вершин мира я буду ждать вас, и вряд ли что-то когда-то это изменит. Ведь многое в моей власти. Но вам и невдомек. Не суть, у каждого свое дело и потребности тоже свои. Сейчас ваша потребность – я, потому что вижу, с каким упорством вы карабкаетесь изо все сил. Значит, я нужна. Но знали ли вы, что я везде? Не только на самой вершине, которую вы так желаете достигнуть, а я с вами на протяжении всего пути, и именно в этом заключен смысл, дорогие. Потому что только так я смогу показать вам место, которое зову домом. Хотя, как я уже говорила, мой дом везде, но больше всего мне нравится быть там на вершине, поближе к нему. И однажды я вам его покажу, точнее, вы сами его увидите. Это не трудно, если позволить себе, позволить нам. Вы сильные, вы однажды сможете, мои дорогие и любимые сотни...».

«Я снова вытягиваю вас со дна, и заметьте, в сотый раз это не такая уж и трудная задача. Ко всему привыкаешь, даже если и не хочешь. Но я надеюсь однажды что-то исправить. Не вас, нет, и даже не себя – ни к чему. Мы будем подниматься. Хватит уже изучать подводные глубины, вам нужен кислород – единственная необходимость, без которой невозможно жить. Даже без меня можно жить, но я больше нужна вашей душе, а вот он... Он наполняет каждую клеточку вашего тела и даёт силы на всё то, что называется жизнью. Конечно, не спору, каждый понимает ее по-разному, но суть у нее одна. Да, просто жить. Только подставляются порой к ней слова разные: «жить лучше», «жить комфортнее», «жить счастливо», «жить побогаче», «жить долго». Может именно они и указывают нам на цели в это самой жизни? Счастье, богатство, успех и любовь... Но почему тогда вы ползаете по дну? Верите, что клады бывают только зарытыми и никакими другими, а всё, что выше, то будут уже воздушные замки? А может быть вы и правы, слушайте. Только не зная, тех замков, не нужно говорить, что они воздушные. Совсем они не такие, но что мне об этом говорить. Вы должны сами однажды попробовать оттолкнуться, а я вам помогу. Однажды, когда сильно-сильно захотите, когда позовёте, когда придёт время. А оно придет скоро, и вижу, что заинтриговала. И вдруг стало интересно, правда? Вдруг захотелось... со всей мочи и разбегу быть. Там, а не где-то еще. В полете и свободном парении-падении, но не беспокойтесь – на том же дне вы не окажетесь. Я вам не позволю. Мы будем кружить вместе, ты и я, две свободные от условностей и законов тяготения птицы, потому что здесь они не имеют своей власти. Ничего больше над тобой уже не имеет власти. Ведь главное – себя – ты уже переборол. Не надо было побеждать, и этого для шага было достаточно. Ты понял это и вкус к счастью ощутил. А я боялась, что не понравится, не сможешь, выплюнешь и отправишь ты меня подальше с подобными предложениями и странными просьбами. Ведь тебе уже так много в жизни предлагали, и все кому не лень. От того и сестренке моей, вере, так трудно к тебе порой пробиться. Но она хоть и младшенькая, до жути упрямая. Во мне подобного нет, хотя я и просила научить, но разве подобному научишь? У каждого своя судьба и стезя, дорога, по которой нужно идти, безбоязненно, без оглядки и страха оступиться. Не бойся, поймают, а даже если чуть-чуть разобьешь свой нос. Это ничего, бывает: разбитые носы,

пишки и саднящие лбы еще мало, кому мешали двигаться вперед дальше. Только с ногами и руками по-прежнему будь аккуратен, человек. С этим все-таки нужно быть поаккуратнее, но ты уже, кажется, понял, к чему лишние слова...

Да нет же, я не желаю твоему лбу шишек, а коленям ссадин, и просто предупреждаю, что так тоже может быть, что это нормально, но никак не повредит готовящемуся для тебя полету. Все будет, мой милый летчик, но в свое время, в определенных условиях и при наличии ветра. Вы кажется называете его Ветер Перемен. Что ж, можно и так. Правда, мы зовем его как-то по-другому. Да что же... Вертится на языке и в голове. Видно, в ней и правда много скопилось мыслей, но, как видишь, освобождаюсь. Пишу вам, себе и ему, просто потому что не могу по-другому, не умею, не научили – я по-прежнему такая, такой уж создана. Но вам же хорошо со мной? Когда прихожу на зов и остаюсь рядом, пока не станет легче. Пока не заживет то, что не должно было бы болеть, кровоточить, гнить и вообще вести себя любым неподобающим образом, но, однако, ведет. Я здесь, я рядом, только чувства... Сейчас требуются только ваши чувства...

Всегда с вами, всё также ваша по-прежнему.

Целую,
надежда»

«Ты жива еще моя надежда-Надя?». Часто слышу подобное обращение к себе, хотя вы и не высказываете его вслух. Вы так редко выражаетесь вслух... Я не о тех словах, что произносите ежедневно, порой не задумываясь об их смысле и назначении, просто говорите. А ведь слова... Они значат так много, особенно для того, кто умеет слышать. Я умею, правда, и отзываюсь на ваш зов со всей самоотверженностью моего сердца. И не говорите, что у меня его нет. Оно есть, иначе я бы ничего не чувствовала. Ни ваших печалей, сомнений, слез, ни радости, которой каждый раз наполняется ваша душа, когда я совсем близко, хотя я рядом всегда и ближе, чем вы привыкли думать. А почему-то часто гневите, что оставила вас, не дала желаемого, требуемого и такого дорогого. Но разве это правда? Я знаю, что нет, и молю, чтобы и вы тоже однажды это узрете. Для меня это важно. И видеть тоже очень важно, также как и слышать. Хотя зрение порой подводит, подводит нас под некую черту, потому что всем нам КАЖЕТСЯ, что мы порой видим. Незрячие мы, слепые. Зорко одно лишь сердце, в нем ключ ко всему, и не зря именно его я зову домом. Приходите как-нибудь на огонек. Я жду. Не когда меня позовут в гости, а когда ко мне захотят прийти просто так поболтать, уютно устроиться у очага и потеряться на несколько долгих часов в собственном покое. Но нам не будет скучно, нет, только не нам. Скука – это когда нечем заняться, то, что решительно съедает тебя изнутри, потому что применение тому, что живет в тебе, ты так и не решился найти. А ведь стоит копать, ворошить своё нутро и искать, искать, искать. Себя, других, друг, друга, путь и меня. Я же жду, теперь вы знаете и, может быть, однажды и правда придёте. Я верю, ведь это не возбраняется, также как любить и, конечно же, надеяться...».

«Я не умчалась в дали безвозвратно?». Нет, ну что вы? А ведь легко было так подумать, да? А всё от того, что не чувствуете, вернее, не позволяете чувствам, как току, проходить через ваше тело, даря ощущение всей полноты и радости счастья. Почему-то именно этого вы боитесь. Ни боли, ни огорчений, ни сожалений ненужных, ни одиночества, а счастья, признания и успеха. Потому что с ними придется что-то делать, ведь так, я угадала? Вернее, знаю: страх он и есть страх, неудача так и остается неудачей, да, способными перевернуть ваш мир с ног на голову, но все равно он придет туда, откуда начал свой головокружительный путь – к началу, некой «точке возврата». Но мир и устои ваши это не поколеблет, только встряхнет немного и

даст шанс, хммм, выплыть что ли? Но только успех, счастье, радость, фарт, все, что наполняет душу и заставляет ее парить, позволит перелететь сквозь стены собственной неуверенности и страха. Всем нам необходим полет, даже мне порой. Хотя мне-то легче, не скрою легче, бывает также трудно, как и вам, но я не опускаю руки. Делаю вид, что у меня их просто нет, а значит нечего и отпускать. Вот такая странная логика, попробуйте может и для вас сработает. Я верю. Знаете, как говорят: «Вера надеялась, надежда верила». Это правда самой чистой воды. Это я вам как надежда говорю, поверьте мне. И снова я о вере. Но не могу я без нее, слишком уж люблю и ценю ее нахождение в наших жизнях, и вы цените и помните – без неё никуда, ни шагу, иначе есть риск. Оступиться, потеряться, не найтись, но в утешение скажу, что всё это лишь на время, так и люди говорят – «до поры до времени». Мне нравятся мирские поговорки и пословицы. В них заключена мудрость, накопленная вами за все годы пребывания на бренной земле. Кто же в вас её вложил... Не будем касаться сегодня в разговоре непостижимого, успеется, найдется время, желание и, даст бог, силы. «Вы все справитесь» – пожалуй, то единственное и небольшое, что мне остаётся на сегодня сказать, на сейчас, так сказать. Я люблю вас, я всегда с вами. Помните, верьте и, главное, надейтесь.

Всегда ваша...»*

*без подписи.

«Всё хотела спросить у вас, да как-то стеснялась и неудобно было говорить о себе, знаете ли. А волнует меня один простой вопрос: что для вас есть надежда? Ну правда? Когда вы понимаете, что я – это я, в какой момент чувствуете меня в своём сердце? Когда я договариваю последние слова утешения и вам становится легче? Или когда я только начинаю свой рассказ о том, что всё обязательно будет хорошо, всенепременно? Мы вместе ищем пути к счастью, перебираем всё, что имеется в вашем, сердце, головах, разуме, мыслях, отодвигая проблемы и нерешительность в сторону и строя новый прекрасный мир заново. Да, думаю тогда я и зарождаюсь в вашем сердце, ведь все начинается именно с него. Вся наша жизнь и радости. И счастье, и горе, и конечно же я. Только, пожалуйста, помните об этом. Я знаю, что вы порой бываете до жути забывчивыми. Что ж, подобное не возбраняется. Все мы порой забываем что-то, только о главном забывать нельзя, ведь не зря же оно считается, собственно, главным. А главная я или нет, или есть ещё что-то другое, решать в любом случае вам. Но я знаю, что мы будем встречаться с вами и не раз, и не когда придет особенно сложное время, а просто так, чтобы поболтать. В который раз удостовериться, что все хорошо, мы живы, а значит все еще будет.

Всенепременно,

Ваша

надежда»

3. Возлюбленный надежды

Даже надежде нужна любовь, чтобы черпать силы...

Встречи

И Надежда может быть наивной. Точнее, она была такой всегда.

– Вам помочь? – этот вопрос прозвучал над самым её ухом, что было неожиданно, так как за помощью обращались преимущественно к ней.

– Да, спасибо, – она решила не отказываться от протянутой для неё руки. – Я бываю несколько неуклюжей. Её никогда не составляло труда признаваться в собственных слабостях и огрехах, потому что само признание слабости делало её почему-то сильнее.

– Вы не неуклюжая, просто спешили куда-то. Видимо, по делам? – Он с любопытством разглядывал её. Надежда в смущении отвела взгляд.

– Можно сказать и так, – она совсем не привыкла распространяться, кто она и чем занимается, поэтому решила уклониться от ответа, думая, что на этом разговор будет исчерпан. Но как оказалось, не тут-то было.

– Могу проводить вас по вашим срочным делам. Я совсем не тороплюсь, – незнакомец пожал плечами. «Странная у него помощь получается, – подумала про себя Надежда. – Я же ни о чем его больше не прошу. Почему же он просто не уйдет?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.